

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81.161.1'282

EDN NHQHNZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

НАИМЕНОВАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ЖИЛИЩ КРЕСТЬЯН В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lyudmila-dmitruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Аннотация. В статье на материале этнографического очерка К. Завойко, вошедшего в состав сборника Костромского научного общества по изучению местного края, рассматриваются наименования временных жилищ крестьян – значимая тематическая группа лексики, характеризующая область материальной культуры народа, включённая в программу ЛАРНГ. К. Завойко описывает два типа временных строений, встречающихся на территории костромского края и служащих для укрытия во время промысловых работ: жилища, которые возводились крестьянами на поверхности земли или под землёй; жилища, строящиеся над землёй. В статье многозначные лексемы *лабаз* и *подкур* рассматриваются с точки зрения своих семантических и функциональных особенностей как слова, характерные для севернорусского, в частности костромского, и среднерусского диалектного узуса. В результате наблюдений за анализируемыми лексемами, зафиксированными и в словарях современного русского литературного языка (в качестве этнографизмов), и в областных словарях, делаются выводы о том, что в настоящее время изучаемые лексические единицы устаревают, постепенно перемещаясь в пассивный фонд национального языка, а данный процесс объясняется невостребованностью в сельской местности традиционных форм временных жилищ.

Ключевые слова: севернорусские говоры, среднерусские говоры, костромские говоры, наименования временных жилищ крестьян, Костромское научное общество по изучению местного края, Лексический атлас русских народных говоров, диалекты, национальный язык.

Для цитирования: Дмитрук Л.А. Наименования временных жилищ крестьян в костромских говорах // Вестник Костромского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 178–182. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

Research Article

NAMES OF PEASANTS' TEMPORARY DWELLINGS OF IN KOSTROMA PATOIS

Lyudmila A. Dmitruk, PhD in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lyudmila-dmitruk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Abstract. In the article on the material of K. Zavoyko's ethnographic essay, included in the collection of Kostroma Scientific Society for the Study of Local Territory, the names of peasants' temporary dwellings - a significant thematic group of vocabulary, characterising the area of people's material culture, included in the programme of the Lexical Atlas of Russian Folkish Patois. K. Zavoyko describes two types of temporary buildings found on the territory of Kostroma land and serving as shelter during field work: dwellings erected by peasants on the surface of the ground or underground; dwellings built above the ground. In the article the polysemous lexemes *лабаз* and *подкур* are considered from the point of view of their semantic and functional features as words characteristic of the Northern Russian, in particular Kostroma, and Central Russian dialectal usus. As a result of observations of the analysed lexemes, recorded both in dictionaries of the modern Russian literary language (as ethnographisms) and in regional dictionaries, conclusions are drawn that at present the studied lexical units are becoming obsolete, gradually moving into the passive fund of the national language, and this process is explained by the lack of demand for traditional forms of temporary dwellings in rural areas.

Keywords: Northern Russian dialects, Middle Russian patois, Kostroma patois, names of peasants' temporary dwellings, Kostroma Scientific Society for Study of Local Territory, Lexical Atlas of Russian Folkish Patois, dialects, national language.

For citation: Dmitruk L.A. Names of peasants' temporary dwellings of in Kostroma patois. Vestnik of Kostroma State University, 2025, vol. 31, no. 3, pp. 178–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2025-31-3-178-182>

В последние десятилетия вектор исследования лексики русских народных говоров сместился в сторону лексико-семантического, структурно-семантического, лексикографического и этнолингвистического изучения. Как отмечает А.С. Герд, «в течение долгих десятилетий отечественная диалектология была ориентирована на описание фонетики и морфологии диалектов вне всякой связи с лексикой и тем более с этнографией» [Герд: 10]. Однако благодаря работе над составлением Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ), «задача которого – представить в пространственной проекции основные звенья лексико-семантической системы русских народных говоров» [Вендина 1996: 33], а значит, открыть возможности для её дальнейшего семасиологического и ономаσιологического изучения, словарный состав диалектов стал предметом системного синхронно-диахронного анализа. Т.И. Вендина, описывая значительный вклад Н.И. Толстого [Толстой: 245] и С.М. Толстой [Толстая: 263] в разработку принципиально нового подхода к анализу областной лексики, характера её соотношения с литературным языком, пишет: «В лингвистической географии утверждается новая парадигма диалектологических исследований, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности её единиц и связывающих их отношений» [Вендина: 81]. Авторы программы ЛАРНГ в качестве концептуального предлагают применять системный подход к анализу диалектного материала, что выражается в получившей широкое распространение тенденции изучения тематических, лексико-семантических, словообразовательных групп регионализмов [Попов: 9].

В программе ЛАРНГ одну из центральных тематических групп лексики, репрезентирующей область материальной культуры народа, составляют наименования построек и их частей (названия крестьянского жилища, хозяйственных строений, помещений для скота при доме и др.). Кроме постоянных жилых построек, которые сооружали в селениях, крестьянам необходимо было строить временные жилища, выполняющие функции укрытия во время удалённых от дома промысловых работ – охоты, рыболовства, бортничества, «курения» смолы и дёгтя, косьбы, землешества и др.: «...у крестьян было много разных угод: кто зноил уголь, кто курил смолу да дёготь; косили и пахали на отдалённых кулигах; у иного дилей жилья штук по 30 и более бывало в бóртях да в кузовни́цах...»¹ [Завойко: 127]. О.Н. Мораховская, анализируя историю названий крестьянских усадебных участков, подчёркивает, что «изучение предметной лексики требует постоянного обращения к внеязыковой действительности» [Мораховская: 28]. Временные жилые конструкции так же, как и посто-

янные строения, отражали особенности быта, традиции русского народа, служили свидетельством изменения климата, культурного ландшафта того или иного региона и т. д.

В очерке К. Завойко «Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.)», опубликованном в одном из сборников Костромского научного общества по изучению местного края (КНО-ИМК) [Завойко: 127–133], даётся подробное этнографическое описание различных типов временных жилищ, встречающихся на территории Костромской губернии конца XIX – начала XX вв. Автор очерка выделяет две группы временных строений, распространённых в костромском крае: 1) жилища, возводимые на поверхности земли (*шалашаи, нотьва*) или под землёй при помощи углубления в почву на большую или меньшую глубину (часть *шалашей, простёнки (ла́базы), зимовки*) [Завойко: 128]; 2) жилища, строящиеся над землёй, чаще на деревьях (*подкур, лабаз, беседка, кровать, поларь / полати*) [Завойко: 131]. В Костромской губернии, как и в других регионах России, такие конструкции могли варьироваться от простых строений, каковыми являлись, например, шалашаи, до более сложных построек, предназначенных для продолжительного пользования в течение нескольких промысловых сезонов.

В очерке К. Завойко содержится большое количество лексических диалектизмов – как специфических для региона слов с севернорусской основой, так и общерусских, распространённых в зоне влияния и других говоров: наименования временных жилищ – *бесёдка (кровать); зимовка, зименка, зимница, зименка, избушка; кровать, полати, окроваченная сосна, кроватница, окроваченная борть, кузовни́ца, подла́з; ла́баз, троестёнка, трестенка, шалашика, шалаша́, землянка; наслежная (ночлежная), ноть, нотьа, нотьба, нодья; подкур; поларь (полати); шалаш (салаши);* наименования составных частей временного жилища – *гряды (сушила), лавки, лежанки (лажументы), навалы, нары (полати), очак (оча́г), переводина, подла́з (островь, шишóвина, суковати́ца), пожиллина, полатка, пожильник, поперёчина, пялки (иглы, иглицы), таган, теплина, труба (трубка), ясли;* наименования приспособлений для строительства временных жилищ – *ви́ца, жень, жердь, обóйма, плётни* [Завойко: 128–132].

Рассмотрим в качестве примера некоторые термины.

Слово *ла́баз* встречается в русских народных говорах практически повсеместно, является многозначной лексемой с архисемой ‘строение, помещение’ и развитой семантической структурой – в СРНГ фиксируется 23 значения, а также системными отношениями – в СРНГ отмечены случаи омонимии (ср. *ла́баз* – ‘лысец’ *Осташк. Твер., Пск.*; ‘сплетник, пус-томеля’ *Пск., Осташк. Твер.*) [СРНГ 16: 212].

В очерке К. Завойко слово *ла́баз* упоминается дважды. В значении ‘наземное строение, одна часть которого углублена в почву, а другая находится на поверхности земли’ данная лексема является синонимом для целого ряда слов – *троестёнка*, *трестенка*, *шалáшка*, *шалашá*, *землянка*. Лабаз представляет собой временное укрытие, «*состоит из трёх стенок, забранных в столбы и покрытых односкатной кровлей из коры, бересты или драницы, покатою назад. Здание часто устраивается на пригорках, и задняя его часть нередко углубляется в почву*» [Завойко: 130]. Автором очерка приводится информация и о географии распространения денотата – «по реке Какше, Ветлужск. у., Костромск. губ.» [Завойко: 130]. В очерке слово упоминается ещё и в значении ‘временное жилище, устраиваемое над землёй для охоты на медведя’: «*Ла́баз, бесёдка по рассказам крестьян устраивается так: на удобных для того деревьях переклады кладут длиною аршин 6 и на них сплошь стягов (жердей) накладывают. Здесь усаживаются охотники и караулят медведя на положенную вблизи приманку*» [Завойко: 132]. В СРНГ находим подтверждение бытованию полисеманта *ла́баз* с указанными значениями в севернорусских и среднерусских говорах: ‘примитивная трехстенная постройка с односкатной крышей для временного проживания’ и географическими пометами *Вят.*, *Ветл. Костром.* [СРНГ 16: 211]; ‘небольшой деревянный помост (иногда с шалашом) на деревьях или столбах, на котором помещаются охотники для подкарауливания медведя и других зверей’ и широким ареалом распространения как в говорах раннего, так и позднего формирования – *Арх.*, *Олон.*, *Волог.*, *Ленингр.*, *Пск.*, *Калин.*, *Влад.*, *Костром.*, *Яросл.*, *Перм.*, *Свердл.*, *Урал.*, *Тобол.*, *Том.*, *Енис.*, *Иркут.*, *Южн. р-ны Краснояр.*, *Южно-Сиб.*, *Сиб.*, *Амур.* [СРНГ 16: 212]. В СГРС у слова *ла́баз* отмечены подобные значения: с семантикой ‘строение с односкатной крышей’ встречается в архангельских и вологодских диалектах; с семантикой ‘небольшой деревянный помост (иногда с шалашом) на деревьях, на котором помещаются охотники для подкарауливания медведя (реже – других зверей) – в архангельских говорах [СГРС: 5].

Первое из вышеназванных значений слова *ла́баз* является узколокализированным, специфическим для архангельских, вологодских, вятских, костромских (ветлужских) говоров, о чём свидетельствуют пометы и в этнографическом очерке К. Завойко, и в диалектных словарях, то есть слово распространено в зоне бытования севернорусских говоров. Второе же значение лексемы имеет более широкую географию распространения, является характерным признаком как севернорусского наречия, так и говоров центра. В костромских диалектах, представляющих собой исторически обусловленное сосуществование двух ге-

нетически разнородных стихий – севернорусских говоров, сложившихся большей частью на базе архаичных ростово-суздальских локальных языковых черт, и центральных говоров, языковой комплекс которых «состоит почти сплошь из явлений, совпадающих с нормой литературного языка» [Ганцовская 2018: 10], слово *ла́баз* в значении ‘помост на ветвях для засады на медведя’ встречается частотно, является общераспространённым локализмом. В «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской приводится иллюстративный материал с пометами *Буйск.*, *Чухл.*, *Солигалич.*, например: «*Медведей караулили на лабазах, он на овсы приходил*» *Буйск. (Талица)* [Ганцовская 2015: 187]. В очерке «Сергач», вошедшем в состав сборника путевых заметок «Лесная глушь», писателя, этнографа С.В. Максимова, выходца из кологривских мелкопоместных дворян, слово *ла́баз* упоминается в этом же значении: «*Сколько смешных и вместе с тем остроумных шуток придумал враг-человек: повесит чурбан, который тем сильнее бьет медведя в лоб, чем больше злится зверь и качает чурбан лапами; соорудит навесец – лабаз, который отгораживает сласти от лакомки...*» [Максимов: 80].

Повсеместность распространения лексем *ла́баз* в диалектах, в том числе костромских, способствовала её перемещению на границу с литературным употреблением, где она функционирует в качестве этнографизма: в словарях современного русского литературного языка слово *ла́баз* отмечено с семантикой ‘помост на ветвях дерева, на котором охотники поджидают зверя’ и пометой *обл.<астное>* [МАС 2: 157]. В то время как лексема *ла́баз* со значением ‘временная трехстенная постройка с односкатной крышей’ в настоящее время является уникальным регионализмом, изоглосса которого проходит по территории современных Кировской, Костромской, Вологодской, Архангельской областей, и, по-видимому, становится всё менее актуальной даже в диалектной речи.

К временным жилищам, возводимым крестьянами над землёй, относится и *подкур*, который, как пишет К. Завойко, «*устанавливается или на деревьях, или на кольях, или же смешанно на деревьях и на кольях*» [Завойко: 131]. В очерке приводится подробное описание способа строительства этого типа жилища, содержащее значительное количество диалектизм, характерных для севернорусских, в частности костромских, говоров: «*На сучки дерева или, если их нет, то на приставленные к деревьям колья кладут «переклады», укрепляемые вѣцами. На переклады из крупного накатника настиляется «пожилыник» (каждая накатина – пожилина), «полáтка» или «кровоáтка». Над пожильником при помощи подпóрок или стбóк (плотницкое – коневой штаг)*

устраивается двускатная кровля из вицек или жердочек, покрытых сеном, еловой корой или берестой» [Завойко: 131]. Снизу под подкурком раскладывается «теплина» – ‘костёр’, устраиваемый как для тепла, так и для того, чтобы дым от костра отгонял комаров.

В словарной статье к глаголу *подкуривать* со значением ‘окурить сысподу, пускать дым подо что’ в словаре В.И. Даля даётся и производное от него слово *подкур*, имеющее семантику ‘полати, помост на вольном воздухе, с куревом под ним от мух, мошек и комаров’ и иллюстрацией «Лесники спят на подкуре» без каких-либо географических помет [Даль 3: 151]. Возможно, в середине XIX в. данная лексема ещё могла восприниматься носителями как языковая единица, принадлежащая разговорно-просторечному узусу, но при этом уже не осознаваться как локализм. По-видимому, региональный характер слово *подкур* стало приобретать несколько позже, к концу XIX – началу XX вв. В БАС оно зафиксировано со значением ‘высокий помост, под которым разводятся дымный костер для защиты от насекомых’ и пометой *обл. <астное>* [БАС 10: 418], но при этом со ссылкой на словарь Даля, а также на употребление в тексте, принадлежащем перу писателя и этнографа П.И. Мельникова-Печёрского, жизнь и творчество которого связаны с нижегородской землёй, зоной распространения среднерусских говоров.

В СРНГ у полисеманта *подкур* приводится несколько лексико-семантических вариантов, в числе которых отмечено и значение ‘временное жильё (шалаш, нары и т. п.) для охотников, сторожей и т. д.’ с географическими пометами *Ветл. Костром., Влад.* [СРНГ 28: 51], что указывает на функционирование слова с обозначенной семантикой в севернорусских и среднерусских говорах. Однако необходимо отметить, что частотность этого слова в настоящее время ввиду утраты обозначаемой реалии (в очерке К. Завойко сообщается о том, что многие временные жилища уже к началу XX в. перестали использоваться [Завойко: 127]), вероятно, снижена настолько, что слово находится на грани устаревания уже и в диалектной системе: не наблюдается фиксация в современных областных словарях, в том числе костромских.

Таким образом, названия временных жилищ, бытующие на территории костромского края ещё в начале XX столетия и характеризующие большей частью севернорусский и среднерусский диалектный узус, потеряли свою актуальность и находятся на пути перемещения в пассивный фонд национального языка, что, безусловно, связано с утратой потребности сельского населения в традиционных формах временных жилищ.

Примечания

¹ Здесь и далее орфография, пунктуация, постановка ударения в словах приводятся по следующему источнику: Завойко К. Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.) // Второй этнографический сборник / Костромск. науч. о-во по изучению местного края. Кострома: Северный рабочий, 1920. С. 127–133. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 15).

Список литературы

Источники

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз. Москва; Ленинград: АН СССР, 1950–1965.

Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. Москва: Книжный клуб «Книговек», 2015. 512 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Завойко К. Временные жилища крестьян (Костромской и частью Владимирской губ.) // Второй этнографический сборник / Костромск. науч. о-во по изучению местного края. Кострома: Северный рабочий, 1920. С. 127–133. (Труды Костромского научного общества по изучению местного края; Вып. 15).

Максимов С.В. Лесная глушь. Москва: Директ-Медиа, 2014. 320 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1985–1988.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 7: Л–М / под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 400 с.

СРНГ – Словарь современных русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–41. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2007.

Исследования

Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров и лингвистическая гносеология // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 33–41.

Вендина Т.И. О некоторых новых принципах лингвогеографического изучения диалектной лексики: «Лексический атлас русских народных говоров» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8–2. С. 76–98.

Ганцовская Н.С. Костромские говоры: учеб. комплекс: в 2 т. Т. 1. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. 224 с.

Герд А.С. Языкознание и этнография // Севернорусские говоры: межвуз. сб. / отв. ред. А.С. Герд, Е.В. Пурицкая. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. Вып. 14. С. 5–13.

Мораховская О.Н. Крестьянский двор: История названий усадебных участков / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Москва: Наука, 1996. 199 с.

Попов И.А., Азарх Ю.С., Вендина Т.Н., Герд А.С., Мораховская О.Н., Петрова З.М. Лексический атлас русских народных говоров в кругу славянских атласов // X Всерос. диалектол. совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 94»: тезисы докладов. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. С. 9–10.

Толстой Н.И. Об изучении полесской лексики // Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 244–260.

Толстая С.М. Диалектные ареалы литературных слов: (Заметки на полях «Лексического атласа белорусского языка») // *Dialectologia slavica*: сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна / отв. ред. Г.П. Клепикова. Москва: Индрик, 1995. С. 263–273.

References

Gantsovskaia N.S. *Kostromskie govory: ucheb. kompleks: v 2 t. T. 1*. [Kostroma dialects: educational complex: in 2 vols. Vol. 1]. Kostroma, Izd-vo Kostrom. gos. un-ta Publ., 2018, 224 p. (In Russ.)

Gerd A.S. *Iazykoznanie i etnografiia* [Linguistics and ethnography]. *Severnorusskie govory: mezhevuz. sb.* [Northern Russian dialects: interuniversity collection], ed. by A.S. Gerd, E.V. Puritskaia. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, vol. 14, pp. 5–13. (In Russ.)

Morakhovskaia O.N. *Krest'ianskii dvor: Istoriia nazv. usadeb. uchastkov* [Peasant's yard: History of the names of homestead plots], *Ros. akad. nauk, In-t rus. iaz. im. V.V. Vinogradova* [Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 199 p. (In Russ.)

Popov I.A., Azarkh Iu.S., Vendina T.N., Gerd A.S., Morakhovskaia O.N., Petrova Z.M. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov v krugu slavianskikh atlasov* [Lexical Atlas of Russian Folk Talks in the circle of

Slavic atlases]. *X Vseros. dialektol. soveshchaniie «Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov – 94»: tezisy dokladov* [X All-Russian Dialectological Meeting 'Lexical Atlas of Russian Folk Talks - 94': theses of reports]. St. Petersburg, ILI RAN Publ., 1994, pp. 9–10. (In Russ.)

Tolstoi N.I. *Ob izuchenii polesskoi leksiki* [On the study of the Polesk lexicon]. *Izbrannye trudy. T. 1: Slavianskaia leksikologiya i semasiologiya* [Selected works. Vol. 1: Slavic lexicology and semasiology]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 244–260. (In Russ.)

Tolstaia S.M. *Dialektnye arealy literaturnykh slov (Zametki na poliax «Leksicheskogo atlasa belorusskogo iazyka»)* [Dialectal areas of literary words (Notes on the margins of the Lexical Atlas of the Belarusian Language)]. *Dialectologia slavica: sb. k 85-letiiu S.B. Bernshteina* [Dialectologia slavica: collection for the 85th anniversary of S.B. Bernstein], ed. by G.P. Klepikova. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 263–273. (In Russ.)

Vendina T.I. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov i lingvisticheskaia gnoseologiya* [Lexical atlas of Russian folk dialects and linguistic epistemology]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Questions of linguistics], 1996, no. 1, pp. 33–41. (In Russ.)

Vendina T.I. *O nekotorykh novykh printsipakh lingvogeograficheskogo izucheniia dialektnoi leksiki: «Leksicheskii atlas russkikh narodnykh govorov»* [About some new principles of linguogeographical study of dialect lexicon: 'Lexical Atlas of Russian Folk Talks']. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii* [Slavic World in the Third Millennium], 2013, no. 8–2, pp. 76–98. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2025, одобрена после рецензирования 18.06.2025, принята к публикации 19.06.2025.

The article was submitted 14.06.2025, approved after reviewing 18.06.2025, accepted for publication 19.06.2025.